

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Красноярский государственный комитет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Межвузовский сборник

Красноярск 1993

В сборник включены статьи, посвященные социальной работе и ее воздействию на отклоняющееся поведение, а также ряд научных сообщений по смежным вопросам уголовного права.

Предназначен для научных и практических работников, аспирантов, а также студентов старших курсов.

Редакционная коллегия: канд. юрид. наук, доц. А.Н.Тарбагаев (отв. за вып.), канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и методики социальной работы Н.Г.Стойко (отв. ред.), канд. юрид. наук, доц. А.С.Барабаш, канд. юрид. наук, доц. С.Д.Чиганова.

Рецензенты:

предметная комиссия гуманитарных и общеправовых дисциплин Красноярского отделения заочного обучения Омской высшей школы милиции МВД РФ; член коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда В.Ф.Барановский.

А.С.БАРАБАШ

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Человек входит в мир, взаимоотношения в котором строятся на основе норм, выработанных предыдущими поколениями. Эти нормы используются до тех пор, пока они устраивают ныне живущих, при утрате полезности они заменяются вновь выработанными. Полезность как всеобщий критерий отношения к норме в истории человеческого общества не всегда выдерживается, во многих случаях изменение норм обуславливалось иными факторами. В наше время, когда главным принципом социального управления становится принцип гармонии /1/, полезность нормы выходит на первый план. Нормативность, задающая определенные стереотипы поведения, вещь ценная и необходимая в сложно организованном обществе, ее возникновение связано с появлением такового. В процессе развития происходила селекция норм на основе постоянной проверки их значимости в плане удовлетворения интересов членов сообщества. Нормы, проверенные веками, закреплялись религиозными учениями как нормы морали, а отношения, складывающиеся между членами сообщества, в которых была каким-то образом заинтересована управляющая структура, или же отношения между членом сообщества и самой структурой оформлялись как правовые нормы. Между этими двумя видами социальных норм нет жесткой границы. В "разумном" государстве значительное число норм права совпадает по своему содержанию с нравственными, отличаться они будут по способам защиты. Обладая в потенциале более мощным арсеналом средств воздействия, правовая норма при реализации обеспечит (должна обеспечить) в итоге принятие индивидом нравственного правила поведения.

Основу формирования норм составляет интерес, точнее - взаимоучет различных интересов¹, в рамках которого происходит

¹ В данной статье нас интересует именно этот момент, составляющие же интерес (экономические, политические и иные) факторы - предмет самостоятельного исследования /1/.

полки интегрирующего качества, выражающего специфику отношений и удовлетворяющего всех участвующих в нем. Сначала это происходит среди немногих. Обнаруженная ими эффективность, длительная стабильность деятельности, основанной на выработанной норме, привлекает внимание и вызывает подражание со стороны других, менее удачливых сообществ. Таким образом норма усваивается и распространяется среди сообществ, пока не станет достоянием всего общества. То, что она стала достоянием общества, не означает ее автоматического перехода в достояние каждого его члена, хотя для большинства такая норма представляет безусловную ценность. В зависимости от степени поддержки и складывается дальнейшая судьба нормы: в том случае, когда она естественно принята многими, гарантом ее соблюдения остальными выступает сила общественного мнения и, зачастую, здесь нет необходимости прибегать к иной власти; когда же этого не достаточно, на помощь призывается закон. Закрепление нормы в законе может быть и констатирующим, и опережающим. Последнее сейчас происходит у нас по многим направлениям, но в таком случае закрепляется тенденция, а не существующая норма, ее еще нет как достояния общества. Задача законодателя в подобной ситуации — не только дать норму, но обеспечить и механизм ее формирования в обществе, пробудить у людей заинтересованность в ее претворении.

Второй вариант является в определенной мере искусственным и насильственным по отношению к индивиду, так как он идет не от его интересов, а, наоборот, его интересы внешней силой признаются незначимыми и ему навязываются иные, которые, может быть, и соответствуют тенденциям исторического развития человечества, но пока лежат вне плоскости частной жизни, вне сознания конкретного человека.

О каком бы варианте мы не говорили, главная проблема — принятие человеком ответственности за претворение в своей деятельности нормативного предписания¹. Если норма принята большинством членов общества, позволяет реализовать частные интересы и облечена в правовую форму, можно сказать, что в ней заключена ответственность каждого перед каждым, объективирована абсолютная ответственность².

¹ Понятие ответственности, применительно к этому, связывается нами с внутренней нравственной мотивацией человека /2/.

² Ранее нами в подобной ситуации, при рассмотрении вопроса о сущности уголовной ответственности, применялось обозначение "ответственность в статике" /3/.

гарантом которой служит государственная власть, в свою очередь ответственная перед обществом. В том случае, когда человек по каким-либо причинам нарушает норму, он тем самым демонстрирует отсутствие у него субъективного чувства ответственности. Задача государственных органов, общественных институтов состоит в том, чтобы при действительной значимости нормы сформировать ответственность у лица, ее нарушившего.

Способов решения поставленной задачи может быть несколько. Традиционным для советского периода является властное воздействие на субъекта, несущее ему серьезные ограничения и страдания без учета личностного восприятия их. Главным было — "подчинись, смирись", иначе будешь раздавлен репрессивным механизмом. По закону предписывается выяснить причины и условия совершения преступления, но стоило ли это делать, если в теории под причинами понимали "родимые пятна капитализма"¹, условия же зачастую сводились к ситуации конкретно совершенного преступления, в силу чего они в определенной мере теряли психологическую значимость. Можно ли было при таком подходе сформировать ответственность у субъекта? Ответ лежит на поверхности: чем более насильственной была ломка структуры личности, тем сильнее человек сопротивлялся этому. О силе сопротивления можно судить по числу лиц, вновь возвращавшихся в тюрьмы и колонии². Следовательно, нужно искать другой способ решения проблемы, для чего необходимо прежде всего четко и однозначно определить, через достижение каких целей можно сформировать ответственность у правонарушителя. Если традиционный способ рассмотрения ориентирован на наказание, то в конструируемом здесь главным должно быть исправление и перевоспитание личности. Наказание, в новом соотношении, должно быть средством, а не целью. Точнее, это комплекс средств воздействия, ограниченных временными

¹ В одной из последних по времени работ в области криминологии по-прежнему утверждается, что в СССР ликвидированы коренные причины преступности /4/.

² Среди осужденных, находящихся в местах лишения свободы за совершение насильственных преступлений, более 60% судимы неоднократно /5/.

рамками, направленный на исправление и перевоспитание лица. Карательное содержание применяющийся их должен отбрасывать. По сути, в рамках правоприменения нужно решать конкретную педагогическую задачу по социализации лица с отклоняющимся поведением. Подобного рода работа должна быть проделана в рамках общественных отношений, регулируемых разными отраслями права, объединенными решением задачи выработки нового системного качества. Определение наказания при вынесении юридически значимого решения — начало работы, она продолжается в рамках пенитенциарной системы, но вряд ли здесь же заканчивается, ведь реально социализация произойдет за ее пределами, а внутри подготавливаются лишь основания для этого.

Можно было бы долго, в плане критики, писать о том, каким образом в настоящее время определяется наказание и почему сложился такой подход. Опуская ее, /6/ сразу перейдем к выводу: при определении наказания в основном учитывается характер и степень общественной опасности деяния, личность же как таковая во всем своем сложном многообразии из этих подсчетов выпадает. Выпадает хотя бы по той причине, что законодатель в уголовном законе четко на нее не ориентируется, а в уголовно-процессуальном законе, в силу его обвинительной конструкции, формулировка "обстоятельства, подлежащие доказыванию", требует от правоприменителя в основном установления деяния и виновности лица, его совершившего. Применительно к данной ситуации можно констатировать — произошла объективизация наказания, или, если быть более точным, — объективное вменение наказания.

Подобное впервые было замечено не нами. Р. Марусте писал: "В судебной практике основное внимание уделяется изучению преступника как субъекта преступления. Меньше суд интересуется преступником как объектом наказания ..." (7). Для приближения момента наказания к субъекту формулировалось предложение об использовании познаний психологов не только в традиционных рамках судебно-психологической экспертизы, но и при решении вопроса об определении наказания. Но что для них в данном случае явилось бы основанием для дачи рекомендации суду — данные, которые собирают по закону при расследовании и рассмотрении уголовных дел? Но ведь, как было показано, они сориентированы на деяние, на субъекта, но не на личность. Следовательно, прежде чем возлагать на специалиста-психолога новую задачу, необходимо подумать, есть ли условия для ее решения, а их в настоящее время пока нет, и возникнут они только

после серьезной корректировки закона в плане формулирования в ряде отраслей скорректированных целей деятельности правоприменителей, определения в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию, (сейчас их там вообще нет) тех, установление которых позволило бы назначить наказание с учетом личности человека, совершившего преступление, в целях его исправления и перевоспитания. Для реализации этого, возможно, придется прибегнуть к поиску дополнительных средств. Если реформа законодательства, набросанная здесь штрихами, произойдет, если культура прагматиков будет соответствовать нормативным, то можно надеяться на качественно новый уровень определения наказания, при котором привлечение специалиста-психолога потребует только в особо сложных случаях. Представляется, что если новому юристу и предстоит с кем-то сотрудничать на постоянной основе, так это социальным работникам¹.

Профессия "социальный работник" – новая в истории нашей страны гуманитарная профессия. Появление ее обусловлено тем реформированием, которое происходит в обществе, осознанием значимости личности, позитивного разрешения ее проблем в плане поступательного развития общества. Декларация "все во имя человека, все для человека" в обновленной России должна быть переведена в практику повседневной жизни, чему не в малой мере будет способствовать деятельность социального работника.

Близость профессии социального работника к профессии юриста определяется тем, что главным объектом взаимодействия они имеют личность как уникальную целостную систему, которая в своей жизнедеятельности вошла в противоречие, конфликт с существующими нормативными предписаниями. От степени значимости норм и, соответственно, остроты конфликта зависит, кто из них примет на себя основную тяжесть работы: при выявлении девиантного поведения – социальный работник, при делинквентном – юрист. Социальный работник

I Деятельность социального работника в развитых странах сопровождает человека от рождения до смерти, и описать все ее многообразие в рамках данной статьи не представляется возможным, здесь выделен только один эпизод, в основе которого лежит отклоняющееся поведение, что позволило сделать попытку оформления межпредметных коммуникаций с юристом.

должен прилагать усилия для устранения причин и условий формирования девиантного поведения, препятствовать его перерастанию в делинквентное, при совершении преступления под руководством и в кооперации с юристом создавать условия для исключения возможности рецидива, успешной социальной реабилитации.

Для того, чтобы сформировать ответственность у нарушителя, деятельность социального работника и юриста должна подчиняться одному алгоритму: кроме получения данных о том, что было совершено деяние и лицо виновно в его совершении, необходимы данные, позволяющие построить прогноз о том, какая мера воздействия может дать искомый результат. Последние мы получим, изучая прошлое, настоящее и будущее индивида, выявляя закон построения им отношений в различных сферах жизни и истоки формирования им этого закона.

Возможно, у читателя складывается представление о полной идентичности названных профессий, значит, нам необходимо показать и отличия. Первое заключается в том, что представители этих профессий стоят на разном расстоянии от человека и его проблем: наиболее близок к человеку социальный работник, юрист же, по предназначению, должен защищать существующий правопорядок. Отсюда у социального работника большая степень свободы при решении проблем человека, работая над ними, он ищет вариант, приемлемый для человека. Юрист в свою очередь должен укладывать найденное решение в существующую правовую норму. Основой деятельности социального работника могут быть только общечеловеческие ценности, юрист же не свободен от влияния политики, ведь юридическая норма во многих случаях является результатом политического компромисса. Социальный работник выступает посредником между гражданином и государством, юрист — представителем государства. Деятельность посредника предполагает возможность влияния как на одного, так и на другого контрагента в плане снятия основания для конфликта между ними, юрист лишен возможности активно влиять на институты государственной власти. Имеются различия между социальным работником и юристом по технологии работы, но последнее — предмет для отдельного самостоятельного исследования.

Приведенные отличия не исчерпывают всех возможных, в определенной мере они являются гипотетическими в силу отсутствия в нашей стране сформированного института социальной работы. Но в то же время, мы считаем, исходя из приведенных общих оснований той

и другой деятельности, что они не будут препятствовать успешному взаимодействию представителей двух гуманитарных профессий. Оптимизм в этом подпитывается и тем, что в истории дореволюционной России (до 1917 г.) был, а в западных странах и сейчас существует пример подобного взаимодействия. Речь идет, в первую очередь, о специализированных судах по делам несовершеннолетних /8/. Первый такой суд в России начал свою деятельность в январе 1910 года. При суде был сформирован штат попечителей, в задачу которых входило изучение личности несовершеннолетних правонарушителей, условий их жизни и воспитания. Полученные сведения об обстоятельствах жизни несовершеннолетнего они доводили до судьи, что помогало последнему выработать правильную меру воздействия на нарушителя.

Изучение этого дореволюционного опыта России и опыта Западных стран поможет в теоретическом плане отработать схему взаимодействия между социальным работником и юристом для предотвращения многих ошибок на практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пригожин А.И. Организации: системы и люди М., 1983. С. 41.
2. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984. С. 67.
3. Барабаш А.С., Володина Л.М. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст.6²-9 УПК РСФСР). Томск, 1986. С.16.
4. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. С.15.
5. Голик Ю.В. Преступность в СССР: проблемы старые и новые// Сов. государство и право. 1991. № 2. С.22.
6. Барабаш А.С. Новое мышление в праве и правоприменении// Вопросы уголовной политики. Красноярск, 1991. С.64-65; Тер-Акопов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом// Сов. государство и право. 1991. № 10. С.75-76.
7. Марусте Р. О некоторых возможностях расширения сферы применения психологических специальных познаний при установлении признаков субъекта преступления// Использование специальных знаний в советском уголовном процессе. Тарту. 1984. С.41-43.

В. Николки В.В. Суды для несовершеннолетних: история и опыт их организации// Сов. государство и право. 1991. № 5. С.77-83.

С.Д.ЧИГАНОВА

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Современный период общественного развития, связанный с ломкой и преобразованием общественных связей и отношений, ценностей, идеалов и других социальных ориентиров, делает особо актуальной проблему социализации детей и подростков.

Дети входят во взрослое сообщество через освоение социальных норм, служащих регуляторами общественных отношений. В младшем возрасте такое освоение, интериоризация норм происходит прежде всего в семье. Но уже в 12 - 13 лет наступает особый период повышенной предрасположенности к усвоению социальных норм более широкого круга отношений. Дети постигают мир сложных "взрослых" отношений и учатся овладевать своим поведением, самостоятельно выстраивая его адекватно возникающим ситуациям. В то же время в усвоении социальных норм появляется известная избирательность, определяемая накопленным индивидуальным опытом. Наиболее интенсивно протекает данный процесс в возрасте 13 - 15 лет. При этом возникает особое соотношение двух тенденций социализации - типизации и индивидуализации. С одной стороны, подросток стремится к принадлежности определенной группе, к идентификации с тем или иным эталоном, ориентируясь на задаваемые извне стандарты и требования. С другой стороны, для него важно выразить себя, утвердиться в своей неповторимости, стать самостоятельным активным субъектом социальной жизни.

Индивидуальное сознание подростка обычно достаточно насыщено социальными знаниями, т.е. знаниями относительно существующих в обществе норм поведения. Однако, во-первых, эти нормы в процессе усвоения доопределяются и переформулируются подростком, в результате чего их смысл может совершенно искажаться. Например, норма "чужого брать без спроса нельзя" доопределяется, дополняясь указанием на условие: "Если это может быть кем-то замечено".